

A man in a dark coat walks away from the viewer down a wet, leaf-strewn path in a park. The path is lined with trees whose leaves are mostly brown and orange. In the distance, a large, dark, gothic-style building is visible through the fog. On the right side of the path, there are several lit street lamps and a wooden bench. On the left side, a series of dark, ghostly figures with long, flowing hair or robes are visible, appearing to walk alongside the man. The overall atmosphere is mysterious and melancholic.

Миры, которые мы не видим

Алексей Линьков

Миры, которые мы не видим

<https://litres.ru/74229677>

SelfPub; 2026

Аннотация

В кабинете психиатра сидит девушка, утверждающая, что ее любимый прожил тысячи жизней.

Врач уверена: перед ней классический случай бредового расстройства. Однако факты из "прошлых жизней" слишком точны. Проводя сеанс за сеансом, она все ближе подходит к черте, за которой ее собственная реальность начинает трещать по швам.

Теперь психиатру предстоит выяснить: сознание девушки – это игра больного разума или пугающее свидетельство того, что смерть – лишь иллюзия?

Содержание

Пролог.	4
1. Дождь	9
2. Нулевой мир. Начало.	25
3. Первый мир. Семья.	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Алексей Линьков

Миры, которые мы не видим

Пролог.

Я хотела бы еще раз увидеть тебя на крыше, чтобы успеть крикнуть: «Давай еще поживем!». Я не успела. Я бежала к этому проклятому дому, чтобы остановить тебя, чтобы сказать, как я люблю тебя, но не успела, не успела... Ты сделал шаг и ушел из этого мира. Тебя больше нет, и меня тоже нет.

Казалось, что наша любовь крепка, неизмерима, и вечна, что мы всегда будем вместе. Мы прошли через многое, пережили радости и трудности, и я верила, что ничто не сможет нас разлучить. Но ты ушел. Просто исчез, оставив меня одну в этом темном мире, где ты был единственным светом, который согревал мою душу. Казалось, что все было так хорошо, что мы счастливы, но теперь ничего нет – только пустота и боль. Невыносимая, бесконечная боль. Я верила, что счастье – это нечто постоянное, неизменное. Верила, что ты – продолжение меня, так же как я – продолжение тебя. Что наши мысли, наши ценности и взгляды на жизнь совпадают,

словно две половинки одного целого.

Я помню тот момент, когда мы лежали вместе на мягкой зеленой траве. Ты говорил мне о детях – о мальчике и девочке, которых хочешь видеть в нашей жизни. Мы вместе придумывали имена, и в твоих глазах горел свет надежды и радости. Я словно видела, как наши будущие дети бегают рядом с нами, смеются, прыгают на тебя, а ты нежно обнимаешь их, наполняя этот мир любовью. В тот миг казалось, что все именно так и будет – счастье, семья, будущее, которое мы создадим вместе. Но тебя больше нет, и я пытаюсь удержать этот образ, цепляясь за воспоминания, словно за спасательный круг. Пытаюсь сохранить детей и тебя, но вы растворяетесь, вы исчезаете, оставляя размытые следы, и остается только смех, как издевательство над моей памятью.

Я прижимаюсь щекой к холодному стеклу и вслушиваюсь в дождь. Капли стучат по стеклу, словно барабанная дробь – ритмичная, настойчивая, почти зловещая. Этот звук кажется мне вестником судьбы, предвестником неизбежного. В каждом ударе слышится прощание, словно мир умирает. В этом шуме дождя – вся тяжесть мгновения, когда прошлое уходит, а будущее не наступает. Я закрываю глаза и позволяю себе раствориться в этом звуке, в этом холоде, который проникает сквозь стекло и касается кожи. Внутри меня рождается странное ощущение – смесь тревоги и покоя, словно я стою на пороге чего-то неизведанного, и одновременно это – момент полной ясности – я не хочу больше быть в этом мире.

Ветер за окном усиливается, и дождь становится еще громче, словно пытается заглушить все мысли, все сомнения, все страхи. Он смывает остатки прежнего мира, оставляя после себя пустоту, которую можно заполнить чем-то новым, но это невозможно. Все, что есть в этом мире, больше не принадлежит мне, как и я не принадлежу ему. Все, о чем я думаю – это открыть окно и броситься вниз, чтобы больше ни о чем не думать. Но на окне решетка, которая не пускает меня к тебе.

Ты всегда говорил, что счастье – это не просто мгновение, не случайный момент радости. Ты говорил, что настоящая радость – это состояние души, которое не зависит от того, что происходит вокруг. Ты был счастлив не потому, что все было идеально, а потому, что рядом была я. Это было твое главное счастье. Ты мне так говорил.

Ты учил меня быть сильной, не бояться трудностей и ценить жизнь выше всего на свете. Ты говорил, что нет ничего важнее самой жизни, что именно она – самый ценный дар, который у нас есть. Эти слова стали для меня опорой, когда становилось невыносимо тяжело. Но теперь тебя больше нет. И мир пустой.

Я помню ночь. Мы сидели у вечного дерева, а вокруг нас разливался хор кузнечиков. Ты вдруг поймал одного, зажал его между ладонями, и он затих. Полная тишина. Он не издал ни звука, просто молчал. Ты тогда сказал, что иногда чувствуешь себя так же, как этот кузнечик. Что тебя что-то

сковывает, и ты не можешь вырваться из этих оков. Оков разума, которые мешают тебе жить. Потом ты выпустил его, и он снова застрекотал, вернувшись к своей песне. Тогда я не придавала этому значения, не поняла всей глубины твоих слов.

Но сейчас тебя нет. Больше нет. И эта тишина, которую я тогда не заметила, теперь кажется такой оглушительной.

– Екатерина, пора делать перевязку, укольчик и спать, – в палату зашла санитарка вместе с медбратом. Я продолжила сидеть, прижавшись щекой к окну, слушая дождь. Какая перевязка? Какой укол? Зачем? – Давай милая, давай, – они пересадили меня на кровать. Санитарка сняла старые бинты с запястий рук и перебинтовала новыми. После этого меня положили на кровать, привязав руки и ноги. Мне было все равно.

Я провалилась в сон, где был ты. Ты всегда снился мне таким красивым и нежным, словно светлым воспоминанием, которое согревает сердце. Но в этот раз что-то было иначе – у тебя не было глаз, и ты не смотрел на меня. Я чувствовала, как внутри тебя что-то тянется ко мне, как будто ты хочешь увидеть, но не можешь. «Почему я тебя не вижу?» – спрашивал ты тихо, с болью в голосе. «Потому что тебя больше нет, а я еще здесь», – отвечала я, и в этих словах звучало все мое одиночество.

Тишина растекалась между нами, тяжелая и густая, словно густой туман, который не дает дышать. Я пыталась протянуть руку, коснуться тебя, но мои пальцы проходили сквозь

пустоту, словно ты был лишь тенью, призраком прошлого, который не может вернуться. В этом сне ты был одновременно близок и недостижим. Я хотела кричать, хотела вернуть тебя хотя бы на миг, но слова застревали в горле, и только слезы тихо катились по щекам. Ты был частью меня, частью моей души, которую теперь разрывается на куски, и я не знаю, как собрать ее обратно. Этот сон – как зеркало, в котором отражается вся моя боль и бессилие. Я пытаюсь понять, как жить дальше, когда часть меня ушла навсегда, оставив пустоту, которую ничто не может заполнить.

Иногда мне кажется, что если я закрою глаза достаточно крепко, ты появишься рядом, и мы сможем снова быть вместе, хотя бы на мгновение. Но сон уходит, и реальность возвращается с ее одиночеством.

Мне никогда не научиться жить с этой тишиной, с этим отсутствием, которое стало частью меня. Иногда мне кажется, что я разговариваю с тобой в пустоте, что ты слышишь меня, даже если не можешь ответить. И в эти моменты я чувствую, что ты все еще здесь – не в теле, не в глазах, а в глубине моего сердца, в каждом вздохе и каждом шепоте ветра. Я открываю глаза, но тебя нет, и тогда боль становится невыносимой, и я позволяю себе упасть в эту бездну, где нет света и надежды.

Почему его больше нет?! Почему?! Я цепляюсь за последние нити, питаюсь воспоминаниями о нем и той удивительной историей его жизни.

1. Дождь

С детства Настю привлекал загадочный мир человеческого сознания, и с годами это увлечение переросло в желание посвятить себя психиатрии. Ее всегда волновал вопрос: что скрывается за этими глазами, полными непонятных эмоций и мыслей? Как помочь людям, потерявшим связь с реальностью, вновь обрести ее?

Она недавно завершила аспирантуру и начала свою карьеру в одной из самых сложных психиатрических клиник, где лечат пациентов с тяжелыми расстройствами.

В первые месяцы работы главный врач не спешил доверять молодой специалистке, ограничивая ее возможности в общении с пациентами. Настя в основном занималась проведением формальных тестов, которые больше служили для отчетности, чем для реальной помощи. Несмотря на это, она не теряла времени зря – наблюдая за пациентами издалека, она начала систематизировать свои наблюдения и выделила несколько групп, основываясь на их поведении и особенностях. Это позволило ей лучше понять внутренний мир тех, кто оказался в стенах клиники, и подготовиться к более активной работе в будущем.

Первую, самую пугающую группу, составляли осужденные, находящиеся на принудительном лечении. Их взгляд,

порой дикий и неконтролируемый, кричал о давно подавленных или вырвавшихся на свободу монстрах.

Вторая группа была полна тихой, но от этого не менее настораживающей отрешенности. Люди, погруженные вглубь собственных фантазий, казалось, не замечали ни стен палаты, ни мягкости кресла, ни даже собственных рук. Их диалоги с невидимыми собеседниками, их жесты, адресованные пустоте, вызывали смешанные чувства – жалость и страх перед непостижимым миром, куда им удалось ускользнуть.

Третью категорию составляли те, кто молчал. Дни, недели, месяцы – они жили в полном безмолвии, их взгляд был прикован к точке, существующей лишь в их собственном сознании. В их глазах, казавшихся бездонными колодцами, скрывалось столько невысказанного, сколько скрывается в глубинах океана. Настя чувствовала, что за этой стеной молчания таится целая вселенная, но как пробиться к ней, не знала.

И, наконец, последняя, самая трагичная группа. Пациенты, чья жизнь была фактически подарена стенам больницы. Некоторые из них попали сюда еще детьми, оставленные родителями или вовсе лишенные семьи. Годы, проведенные в замкнутом пространстве, стерли границы реального мира, оставив лишь привычный, хоть и удручающий, уклад. Они были живыми призраками, чьи истории несли глубокую, невообразимую печаль.

– Анастасия Сергеевна, зайдите ко мне, – распорядился Валерий Эдуардович повесил трубку. Этот звонок от руководителя клиники стал первым для Насти за все время ее работы. Девушка нервничала. Первая ее мысль была о том, что она что-то делает не так. Она вышла из своего небольшого кабинета и поднялась на третий этаж, где находился кабинет главного врача.

Настя зашла в приемную. Секретарь на нее посмотрела с любопытством, от чего девушка еще больше стала нервничать. Она чувствовала, как у нее начинают дрожать колени.

– Посмелее, – подбодрила секретарь. – Сядь, посиди. Чего так нервничаешь?

– Не знаю, он ни разу меня к себе еще не вызывал.

– Не переживай ты так, – улыбнулась она.

Зазвонил телефон. Секретарь сняла трубку и с кем то начала мило беседовать. Настя сидела на стуле и послушно ждала, когда вызовут.

Валерий Эдуардович занимал одно из ведущих мест среди психиатров не только в нашей стране, но и за ее пределами. Его научные труды стали основой для многих учебников по психиатрии, а его исследования оказали значительное влияние на развитие этой области. Настя выбрала тему своей диссертации, опираясь именно на одну из его статей, посвященную воздействию социальных факторов на психическое состояние человека. Еще будучи студенткой, она глубоко погружалась в его исследования, стараясь понять тонко-

сти психиатрии и особенности человеческого сознания. Для нее Валерий Эдуардович был настоящим примером и авторитетом, поэтому перед предстоящей встречей она нервничала.

Клиника, которой он руководил, и в которой Насте повезло работать, была уникальным учреждением – не просто лечебным заведением, а настоящим научно-исследовательским центром в области психиатрии. Здесь не только оказывали помощь пациентам, но и проводили глубокие исследования, направленные на изучение человеческой психики.

– Проходите, – сообщила секретарша, прервав размышления Насти.

– Спасибо, – девушка встала со стула и подошла к двери, неуверенно постучав в нее.

– Да, – послышался из-за двери уверенный голос.

– Здравствуйте, – поздоровалась Настя.

– Садитесь.

– Спасибо.

– Минутку, я сейчас закончу...

Валерий Эдуардович что-то записывал в свою тетрадь, сосредоточенно о чем-то размышляя. Было видно, как бегают его глаза. Настя в это время осторожно осмотрела кабинет. Он был достаточно скромно обставлен: на стене картина с изображением морского пейзажа и фотография, видимо, семьи. В углу комнаты – книжный шкаф с профессиональ-

ной литературой, а также несколько личных предметов врача: небольшие сувениры, пепельница. Небольшой двухместный диван, а рядом с ним – столик, на котором стояли графин с водой и два стакана. Сам Валерий Эдуардович сидел за большим письменным столом. На нем располагались ноутбук, книги, блокнот с записями и личное дело, на котором виднелась цветная фотография молодой девушки с бледным цветом лица.

– Извините за задержку. Надо было мысль одну дописать, – главный врач отложил ручку и блокнот в сторону.

– Ничего...

– Настя... можно тебя так называть?

– Да, конечно.

– Я наблюдал за твоей работой какое-то время. Не обижайся, но и узнавал о тебе у твоих бывших преподавателей. Для меня очень важно, чтобы человек, выбирающий профессию психиатра, подходил к ней не просто как к работе, а как к призванию. Чтобы он искренне верил в свою способность помогать людям, не прибегая к шаблонным решениям или бездумному назначению медикаментов. Я хочу видеть в психиатре того, кто видит в каждом пациенте не просто набор проблем, а полноценную, уникальную личность, живущую в своем собственном мире. Человека, который стремится понять этот мир, а не навязать свой. И, конечно, важно, чтобы такой специалист постоянно развивался, искал новые, более эффективные подходы к работе, новые пути ис-

целения. Чтобы он был открыт к обучению и не боялся экспериментировать, всегда ставя во главу угла благополучие и рост своего пациента. И я это все вижу в тебе, Настя.

– Спасибо, – девушка, не зная, что ответить, покраснела.

– У меня есть для тебя пациент. Я хочу, чтобы ты начала с ним работать, точнее с ней, – Валерий Эдуардович взял со стола личное дело, с той самой цветной фотографией, и протянул Насте. Она взяла его в руки и прочитала: «Екатерина, 25-27 лет». Открыла папку, но она была пустой.

– Здесь нет никакой информации.

– Да. Никакой информации о ней нет. Поступила она к нам в прошлом месяце. Ее нашли бродящей в одиночестве у каких-то высоток в спальном районе города. Близких родственников или тех, кто знает ее, найти не удалось. Документов нет, в базах также никакой информации нет.

– А почему ее к нам доставили?

– Ну, из очевидного – это явные попытки суицида. Ее и нашли с порезанными запястьями.

– Мне надо что-то еще знать? – спросила Настя. Это был ее первый пациент, и девушка понимала всю меру ответственности, как за него, так и за свое дальнейшее будущее.

– Нет, – немного подумав, ответил главный врач. – Она интересная и необычная девушка, – Валерий Эдуардович снова сделал паузу. – После того, как с ней пообщаетесь, зайдите ко мне.

– Хорошо.

– Можете идти.

– Спасибо.

Настя вернулась в свой кабинет и первым делом позвонила Максиму, своему мужу.

– Привет, есть минутка?

– Привет, любимая, для тебя всегда. Что-то случилось?

– Хотела поделиться новостью: у меня первый пациент!

– Ого! Поздравляю! Очень рад за тебя! – искренне радовался муж.

– Спасибо! Как у вас дела?

Муж был в отпуске, и почти все время они с дочкой Верой проводили на даче, которая находилась недалеко от города. Настя, заканчивая работу, ехала к ним, чтобы провести немного времени вместе, а рано утром возвращалась обратно на работу.

– Траву косил. Варя мультики смотрит.

– Пусть долго не сидит.

– Хорошо, любимая.

– Ладно, пока, до вечера. Я в магазин заеду!

– Пока, – попрощался Максим.

После разговора с мужем Настя подошла к зеркалу и поправила прическу. После этого сказала медицинской сестре, чтобы она привела пациентку.

Кабинет Насти представлял собой небольшое помещение, оборудованное двумя креслами, письменным столом и полками для хранения документов. Большое окно с решеткой

выходило на сосновую рощу, на территории которой располагалась клиника. Пациенты в сопровождении медбратьев совершали прогулки по тропинке, пролегающей между старыми соснами.

В кабинет постучали.

– Войдите! – сказала Настя и села за стол.

Вошла пожилая медсестра, она держала под руку молодую девушку. Первое, что бросилось в глаза Насти это необычайно красивое, но и одновременно очень грустное лицо девушки. Это было странное сочетание: то ли грусть придавала ему особую прелесть, то ли красота была в самой этой печали.

– Добрый день. Это Катенька, – представила медсестра пациентку.

– Да, здравствуйте, проходите, Катя, присаживайтесь, – Настя показала рукой на кресло. – Спасибо, – поблагодарила она медсестру, и та вышла из кабинета.

Катя, словно послушная кукла, опустилась в кресло, сложив ладони на колени. Она была одета в белый халат, а светлые распущенные волосы падали на плечи.

– Меня зовут Анастасия Сергеевна, я твой лечащий врач.

Девушка ничего не ответила. Она, не моргая, смотрела на свои перебинтованные запястья.

– Ну, хорошо. Ты знаешь, почему здесь оказалась?

– В психушке? – Катя резко подняла голову, посмотрев на Настю. Голос ее был надломлен, выдавая недавние слезы или крики. Одновременно с ее вопросом начался дождь. Он сту-

чал по стеклу монотонным, холодным барабаном, оставляя на нем размытые пятна. За окном все погрузилось в серую, бесформенную массу – мир словно растворился в бесконечной мгле, скрывая от глаз все, что когда-то было видно. Тусклый свет и непроглядная серая пелена сливались в одно, создавая ощущение пустоты и безысходности. По телу Насти пробежала дрожь.

– «Психушка», как ты сказала – это такая же больница, как и любая другая, – Настя старалась говорить, как можно спокойней и уверенней. – Где-то лечат проблемы с сердцем, где-то с легкими, где-то с ногами, а где-то с...

– Головой! – перебила Катя и повернула голову в сторону окна. Казалось, что у нее вот-вот потекут слезы, но этого не произошло.

Дождь усилился. Внутри комнаты воздух стал казаться тяжелым, словно сами стены впитывали мрак, что навис за окном. Тени сгущались в углах, растягиваясь и искажаясь, будто живые существа.

– Пусть так... головой... – Настя замялась, от чего стала нервничать, что было не позволительно в общении с пациентом. Она сделала вид, что закашлялась, встала, налила себе воды, и, выпив ее, вернулась на место, немного успокоившись. Катя все это время не отводила глаз от окна. – Но, все мы хотим вам помочь, чтобы...

– А кто вас просит помогать? – Катя резко повернула голову, посмотрев на Настю. – С чего вы взяли, что я больная?

Может, вы все тут больные! – сказала она и повернулась обратно к окну.

– Девиантное поведение, которое отличается от общепринятых норм, правил и ожиданий может принести вред, как окружающим людям, так и тебе. Моя задача, как врача помочь тебе жить полноценно в социуме, среди людей, в обществе, – Настя, как можно незаметней, тяжело вздохнула. – Люди, находящиеся в нашей клинике на лечении не плохие и не хорошие. Их сознание, их разум отличаются от большинства людей. Понимаешь? – Катя ничего не ответила и Настя продолжила. – Наша задача найти методику лечения. Пусть это будет биологическая терапия, или психотерапия, а затем социальная реабилитация, но мы должны помочь этим людям всеми способами, которые известны на данный момент. И моя задача помочь человеку. Помочь тебе.

– Почему в дождь так грустно? – спросила Катя. Было ощущение, что она совсем не слушала, что ей говорит Настя – она бала где-то далеко, взгляд был пустым. Она смотрела, как капли рисуют узоры на запотевшем окне.

– Грустно в дождь?

– Угу.

– Просто грустно на душе, и погода только подчеркивает это состояние. Тебе сейчас грустно?

– Угу.

Настя знала много методик общения с психически больными, но Катя не казалась такой. Сейчас у нее были явные

признаки депрессии средней тяжести, но Настя не была уверена, что это правильный диагноз. Было что-то еще, но она никак не могла понять, что именно. Для этого надо было разговаривать девушку, чтобы та поделилась тем, что у нее на душе. Узнать о причинах порезов на запястьях, чтобы правильно определить ее состояние и при необходимости назначить лечение.

– Почему тебе грустно?

– Дождь идет.

– Если бы дождя не было, тебе бы не было так грустно?

– Мне всегда грустно, – сказала Катя и, не отрываясь, стала смотреть Насте прямо в глаза. – А вам, доктор, бывает грустно?

– Конечно, – от Катиного взгляда Настя покраснела: настолько он стал пронзительным. Вся пустота куда-то испарилась, и на нее смотрели теперь яркие зеленые глаза. – Это нормально грустить. Все люди грустят.

– Если грустить – это нормально, то почему я здесь? Вот теперь и ответ сама: если по твоему мнению грустить – это нормально, то почему я здесь?

– Да, но... – Настя замялась. Она прекрасно понимала, что категорически нельзя показывать свою слабость. От этих мыслей нервозность усилилась, которую она испытывала, по неизвестным ей причинам, при общении с Катей.

– Вот, получаете дипломы, потом приходите лечить людей. А не можете ответить на простые вопросы или не види-

те очевидные вещи, – Катя подняла руки вверх, показывая перемотанные бинтами запястья. – Я здесь, Анастасия Сергеевна, или как вас там, потому что я хотела уйти из этого мира и сейчас хочу.

– Да, я понимаю... но...

– Если понимаете, то выписываете антидепрессанты, витамины, уколы и что там еще обычно: прогулки на свежем воздухе, физкультура, массаж и разойдемся на этом. Так как наше с вами общение ничего не даст не мне, не вам. Спасибо, – Катя отвернулась снова к окну. Дождь на улице почти закончился.

– Ты уже не первый раз в больнице, как я понимаю?

– Не первый, но надеюсь последний...

– Давай не будем торопиться. Твои запястья я видела.

Важно же понять причину, почему ты это сделала.

– Ох, доктор. Мне грустно, когда дождь, грустно, когда его нет, грустно всегда! Что не понятно?! Я же сказала уже! В этом вся причина! – Катя встала со своего места, подойдя вплотную к столу, за которым сидела Настя.

– Все в порядке? – на крик зашла медсестра.

– Спасибо, все хорошо.

Медсестра простояла несколько секунд в дверях и вышла.

– Катя, успокойся, пожалуйста. Сядь, здесь нет врагов.

– Ладно, – девушка села обратно в кресло.

Насте нужно было срочно найти выход. Она чувствовала, как Катя уверенно берет верх, подавляя ее, и это было совер-

шенно недопустимо. В голове Насти мелькали десятки методик, отточенных годами обучения, но ни одна не казалась подходящей. Катя, словно чувствуя ее замешательство, время от времени бросала на нее оценивающие взгляды, в которых читалось явное превосходство. И тут, в самый напряженный момент, Настя вспомнила одну из статей Валерия Эдуардовича в которой он описывал методику работы с пациентами, которые склонны к манипуляциям и доминированию. Техника называлась: «Зеркальное отражение».

– Наверное, ты права, – сказала Настя. Катя вопросительно на нее посмотрела. – Не вижу большого смысла нам общаться. Я назначу тебе курс терапии. Будешь утром принимать антидепрессанты, днем –прогулки на свежем воздухе, вечером – уколы витаминные, а дальше выписка и реабилитация. Поставлю тогда тебе диагноз депрессия? Согласна?

– Как хочешь, – Катя немного покраснела.

Казалось, что дождь прекратился, и даже выглянуло солнце. Но через какое-то время небо снова потемнело, и дождь с новой силой начал барабанить по стеклу, напоминая о непредсказуемости природы.

– Единственное... – Настя сделала паузу и слегка улыбнулась. – Тебе все равно придется ходить ко мне каждый день.

– Зачем?

– Для галочки.

– Что?

– Нам формально надо встречаться. Я должна с тобой про-

водить встречи... так велел главврач. Если я не буду с тобой проводить консультации, то меня могут уволить, а тебе назначат другого врача. Хорошо?

– Мне все равно, – Катя еще больше покраснела.

– Ну и хорошо. Встречи будут каждый день в одиннадцать. Можешь приходить читать книжки или заниматься чем хочешь...

– Хм.

– Ну, на сегодня тогда все, – Настя позвала медсестру. Та зашла и, взяв под руку Катю, вывела из кабинета. Напоследок девушка посмотрела на врача – ее взгляд был пустым.

Настя, оставшись наедине, закрыла лицо руками и начала беззвучно плакать. «Первый пациент. И почти провал», – эта мысль билась в ее голове. Она встала и сделала глоток воды, пытаясь успокоить дрожь в теле. После этого, немного успокоившись, пошла к Валерию Эдуардовичу.

Она постучалась в кабинет и, не дождавшись разрешения войти, открыла дверь. Секретарша не успела ничего сказать, встала, но постояв несколько секунд, села обратно.

Валерий Эдуардович в это время разговаривал по телефону. Настя, вся красная, не обращая внимания, что главврач занят, начала подробно рассказывать про свою первую встречу с Катей.

– Я перезвоню, – Валерий Эдуардович сказал кому-то в трубку и принялся внимательно слушать Настю, наблюдая за ней. Ее речь была очень эмоциональной: руки активно

жестикуюлировали, а взгляд, не фокусируясь на собеседнике, блуждал где-то рядом. Было очевидно, что она переживает очень сильно.

– Это провал, мне так стыдно, – Настя закончила свой монолог, закрыв лицо руками. Валерий Эдуардович какое-то время продолжал молчать. Он понимал, что Настя поступила правильно, применив технику «Зеркальное отражение» – это действительно эффективный метод. Однако его больше беспокоило то, как Настя воспринимает свое общение с пациентом слишком близко к сердцу. Она считала, что встреча прошла неудачно, будто это был провал, и это его тревожило. Психиатр не должен позволять эмоциям брать верх, нельзя так глубоко вовлекаться в каждую встречу. Он вспомнил себя в молодости – тогда он тоже переживал и сомневался после каждого приема. Но годы практики сделали свое дело: теперь для него пациенты были как учебники, на лицах которых ясно читались их диагнозы и психические расстройства.

– У тебя двадцать один день, чтобы принять по Екатерине решение! – прервал главврач молчание, слегка повысив голос.

– Что? – прошептала Настя, убрав от лица руки, готовая расплакаться.

– Срок пребывания в стационаре ограничен тремя неделями, если нет необходимости в клиническом лечении. Если у пациентки только депрессия, ей будет предложено интенсивное лечение, после чего она будет выписана с рекоменда-

циями по посещению психолога и приему антидепрессантов. Более длительное лечение возможно только при постановке более серьезного диагноза. Вам, Настя, необходимо будет обосновать все решения перед комиссией через двадцать один день. Все, можете идти.

Настя вышла, не произнеся ни слова, с силой захлопнув за собой дверь.

«Вот это другое дело» – подумал Валерий Эдуардович. Он понимал, что в Кате есть нечто скрытое, но разобраться в этом должна была Настя, ее лечащий врач.

2. Нулевой мир. Начало.

Я родился в маленьком поселке за Уральскими горами в многодетной семье. Отец рано ушел из жизни, и мы у мамы остались вчетвером: я и три сестры, которые все были младше меня.

Отца я помню плохо. Точнее, почему-то плохо помню его лицо. Фотографии есть, но когда пытаюсь представить его, образ не возникает. Память сама блокирует воспоминания о нем. И как бы я ни старался вспомнить, у меня ничего не выходило. Лишь один мутный силуэт большого человека, который всегда в фуфайке и шапке-ушанке, даже летом в знойный день. Всегда представляется большая и густая черная борода, но когда смотрю на фотографии с ним, то бороды нет – он всегда гладко выбрит.

Внешность отца я не помню, но помню его характер: холодный, озлобленный. Мама рассказывала, после того как он исчез, что он не всегда был таким. Когда-то он был добрым и любящим человеком, наполненный мечтами и идеями, но в какой-то момент все изменилось. Алкоголь был тому виной или алкоголь это уже следствие этих изменений, сказать сложно.

Он мог ни с того ни с сего ударить мать или меня. Сестер он до определенного момента не трогал, но потом, уже ближе

к кончине, начал руку поднимать и на них. Особенно жалко было Пуговку – самую младшую сестренку. Ей было всего три года. Однажды она уронила отцовскую пепельницу, и та разбилась. Отец снял свой ремень с железной бляхой и отхлестал ее по попе, а потом поставил в угол, заставив стоять там до самого вечера. Когда она уже не могла держаться на ногах, то тогда он позволял ей сесть.

Отец с нами почти не разговаривал. Он не учил меня жизни, как положено отцам, не играл с дочками. Он просто существовал от момента просыпания, работы в совхозе и до момента возвращения домой, где были мы, ожидающие его в страхе. Мне тогда было лет тринадцать или четырнадцать, и я не мог постоять за своих сестреночек, за маму и тем более защитить себя. Отец приходил, выпивал стакан – мы ждали, стараясь не отходить друг от друга. Он выпивал второй – мы прижимались друг к другу. Он выпивал третий – мы держались друг за друга, превращаясь в одну массу. После четвертого стакана отец вставал и подходил к нам. Он смотрел на нас взглядом хищника, который загнал свою жертву. Сестренки плакали. Мама вставала перед нами, стараясь защитить, но она была маленькой и хрупкой, и отец легко убирал ее со своего пути. Первого из нашей сжимавшейся кучки отец вытаскивал меня и молча, размеренно начинал пороть. После десяти ударов отшвыривал в сторону, после чего я сбегал из дома. Эхом доносились крики сестер, когда я спрыгивал с крыльца, открывал калитку и бежал куда глаза

глядят. Я плакал от боли, обиды, бессилья и от страха за маму и сестер.

В один из таких вечеров я заранее собрал небольшой рюкзак с припасами и спрятал его под крыльцо. Положил в него несколько вареных картошин, ломоть хлеба, пару луковиц, спички, ножик, бутылку с водой, теплый свитер. Надеялся, что этого хватит на несколько дней.

Отец вернулся домой. Был пятничный вечер, а именно по пятницам он обычно больше всего напивался. Сестренка дома не было – мама отвела их к знакомой на другом конце поселка. Мы с мамой остались, потому что знакомая не могла нас приютить. В ее маленьком доме и так жили трое детей и пожилая ворчливая женщина.

– Иди сюда! – крикнул отец с кухни. Мы в это время с мамой были в спальне. Мама гладила меня по голове и утешала, говорила, что «все будет хорошо».

– Кого он зовет? – прошептал я маме на ухо.

– Меня, – сказала мама и пошла к отцу.

Вначале была тишина, но через некоторое время начал доноситься шум. Я выглянул из-за двери: отец стоял над матерью, которая сидела на полу и закрывала лицо руками, через которые просачивалась кровь.

– Поганец, иди сюда! – в этот раз отец позвал меня.

Я выбежал из дома, взял из-под крыльца рюкзак и побежал в сторону леса, думая, что больше никогда не вернусь. Останусь жить в лесу, и мне все равно, что со мной будет. Я

бежал не останавливаясь. Слезы, обида, страх, стыд бежали вместе со мной.

Чем глубже я забирался в лес, тем яростнее ветки хлестали меня по лицу. Я потерял счет времени, но теперь над головой сияли луна и звезды – значит, все в объятиях ночи. Измученный, я остановился, напряженно вслушиваясь. Не преследует ли меня отец? Но в ответ – тишина, нарушаемая лишь шелестом ветра в листве.

Тяжело дыша, я наконец-то смог немного прийти в себя. Оглядевшись, я понял, что оказался в настоящей глуши. Вокруг стоял плотный, темный лес, и в этой непроглядной темноте больше ничего не было видно. Я побрел в разные стороны, пытаюсь найти хоть какое-то подходящее место для привала. Наконец, мне повезло – я наткнулся на небольшую полянку. Усевшись на траву, я достал из рюкзака бутылку с водой и сделал несколько долгих, жадных глотков. В какой-то момент от усталости глаза начали закрываться и я уснул.

Проснулся я от того, что меня кто-то тыкал чем-то в бок; было уже утро. Я, испугавшись, вскочил, думая, что это может быть отец, но это был неизвестный мне старик.

– Заблудился, касатик? – спросил он.

– Нет! Хватит тыкать!

Старик инстинктивно продолжал меня тыкать в бок.

– Ой, извини, – отдернул он трость. – Заблудился, спрашиваю?

– Нет! Говорю же!

Я разглядел старика – старообрядец, одетый в простую, но аккуратную одежду. У него была густая седая борода, которая спадала на грудь, от чего он выглядел очень спокойным. Глаза у него были добрые и улыбающиеся. В руках он держал трость, на которой росли маленькие зеленые листочки – выглядело это очень странно.

Я сел на траву. Достал из рюкзака картофелину и, очистив кожуру, принялся есть. Старик сел рядом и, не отрываясь, на меня смотрел. Я же, наоборот, старался не смотреть в его сторону, а делал вид, что сильно увлечен поеданием вареного овоща.

– Вкусно? – поинтересовался он, проглотив слюну.

– Ничего...

– А ты знаешь, что история картофеля начинается далеко от наших широт, в высокогорных районах Южной Америки, где он был одомашнен тысячи лет назад. Инки, например, считали его священным растением и использовали не только в пищу, но и в медицинских целях, – старик сделал паузу, проглотил снова слюну и продолжил. – В Европу картофель попал в 16 веке благодаря испанским мореплавателям. Сначала его воспринимали скорее как экзотическое растение для ботанических садов и как корм для скота. В некоторых странах его даже считали ядовитым, называя «чертовым яблоком» из-за его внешнего вида и того, что он рос под землей, – постучал старик тростью по земле. – В России картофель появился благодаря неумной энергии и любознатель-

ности Петра Великого. Император, стремясь модернизировать страну и привить ей европейские обычаи, обратил внимание на это необычное растение. В конце 17 века...

– Да я понял, понял, – не выдержал я, достал из рюкзака еще одну картофелину и протянул старику, который начал улыбаться сквозь густую бороду.

– Спасибо, милоч. А хлебушка к картошечке нет?

Историю про хлеб мне слушать не хотелось. Я, молча, достал из рюкзака хлеб, отломил половину и протянул старику, тот с радостью начал жевать. Через какое-то время он снова вопросительно посмотрел на меня.

– Воды? – спросил я. Он тут же закивал, видно, очень хотел пить. Я дал ему бутылку. Он, недолго думая, выпил почти все. Я только тяжело вздохнул.

– Спасибо, – поблагодарил старик и вернул мне бутылку.

– Да, не за что, – я снова тяжело вздохнул.

– Так ты чего тут делаешь, соколик? Здесь редко встретишь незнакомцев, и я уже не припомню, когда в последний раз видел кого-то постороннего в наших местах.

– Да я, вроде, недалеко от дома и ушел, – ответил я, оглядываясь вокруг.

– Не далеко и далеко... на тропинку ненужную свернул, а потом на нужную, вот и заплутал.

– Не понял тебя, старик.

– Ну вот, свернул не туда... и оказался здесь. Интересно, что же тебя сюда привело? Может, какая-то беда такая, что

только сюда и могла привести? Так зачем же ты здесь? Что ищешь, что надеешься найти, или от чего бежишь? – глаза у старика смеялись.

– Ночь была, темно. Бежал, шел, бежал, вот здесь и оказался! Чего тут такого?

– Просто так сюда не попадают.

– А я попал!

– Странно.

– Что странно?

– Просто так сюда не попадают, – повторил старик.

– А я попал! – повторил я.

Мы какое-то время молчали. В воздухе повисла тишина, нарушаемая лишь легким шорохом листьев. Вдруг поднялся небольшой ветер, который качал макушки деревьев, задавая ритм природе. В этот момент какая-то птица подхватила его мелодию и начала подпевать. Пение было настолько ровным, что мне показалось – я знаю эту мелодию. Это была колыбельная, которую когда-то пела мне мама.

– Я здесь уже очень много лет – действительно очень много, – прервал молчание старик, став более серьезным. – И за это время я заметил одну важную вещь: сюда попадают только потерянные души. Те, кто не знает своего пути, кто сбился с дороги или просто бежит. Те, кто бежит от жизни, прячась от своих страхов и боли. Им нужна помощь, поддержка и понимание. Потому что иначе ты просто не оказался бы здесь. Это место – не случайность, а знак того, что тебе нуж-

на помощь.

– Да не нужна мне никакая помощь! – не выдержал я. – Обычный лес, обычная поляна! Все обычное! – я почувствовал, как на глазах появляются слезы. От злости, обиды, от страха за маму, за сестер, от отчаянья, что ситуация безвыходная, у меня все разрывалось в груди. Еще этот старик со своими странностями.

– Ну, чего ты сердишься?

– Ничего!

Я накинул на плечи рюкзак и пошел в сторону, где между деревьев виднелся небольшой просвет. «Сумасшедший старик, его мне еще не хватало», – подумал я и, не оборачиваясь, начал углубляться в лес, подальше от полянки, на которой мы все это время находились.

Нервы были на пределе. Мне отчаянно хотелось убраться от старика, но еще сильнее – от собственных мыслей, которые крутились в моей голове. Перед глазами была Пуговка. Она смотрела на меня с немым вопросом, словно пытаясь понять: «Куда ты делся, братик?» В ее взгляде читалась тревога и надежда одновременно. Мама тем временем варила большую кастрюлю каши – аромат теплой сладкой еды наполнял всю комнату. Мы с сестренками сидели рядом, радостные и нетерпеливые, ожидая, когда она разложит кашу по тарелкам.

В комнате было светло и тепло. Солнечные лучи мягко пробивались сквозь открытые окна, играя на стенах и мебе-

ли. Отца в моем сознании не было, и, возможно, именно поэтому вокруг царила такая ясность и покой. Его отсутствие словно оставляло место для света и тепла, которые наполняли наш дом. Я встряхнул головой, понимая, что то, что в моем сознании никогда не будет осуществимо, пока рядом отец.

«Как я мог оставить сестер, Пуговку? Я трус! Трус! Трус! Трус! Надо вернуться домой?», – стучали молотком мысли в моей голове. Я не заметил, как снова вышел на полянку, на которой сидел все тот же старик. Он, увидев меня, приветствуя, начал махать рукой. «Видимо, где-то свернул не там», – подумал я, развернулся и снова углубился в лес.

Решил идти прямо, никуда не сворачивая, чтобы случайно не наткнуться на ту самую поляну, где был старик. Чем дальше углублялся в чащу, тем сильнее мысли уносили меня к семье. Я пытался отвлечься, но воображение не отпускало. Теперь Пуговка играла на полу со своей любимой, потрепанной куклой с одним глазом. Она аккуратно расчесывала ей волосы и тихо пела колыбельную. В это время сестры помогали маме убирать дом – подметали полы, вытирали пыль с полок. Солнечный свет мягко освещал их лица, а мама улыбалась, глядя на своих дочерей. Но вдруг в комнате появилась тень. Девочки испугались, прижались друг к другу и спрятались за маму.

Я очнулся. Снова оказался на той самой поляне, где сидел старик. Это мгновение вернуло меня в реальность. «Как та-

кое возможно?» – подумал я. Та же поляна, тот же старик. Я развернулся и побежал вглубь леса. В голове, не осознанно, все время возвращались образы семьи и тень отца. Я бежал и бежал, но в итоге снова оказывался на той же поляне. Что бы я ни делал и куда бы ни направлялся, меня неизменно приводило сюда.

– Может, хватит, соколик? Устал уж весь! – крикнул старик, когда я в очередной раз показался из-за деревьев. Я пошел к нему и сел рядом на траву, тяжело дыша.

– Что... что... что это все значит? – спросил я, переводя дыхание.

– Я же сказал тебе: я здесь уже очень много лет, очень много, бесконечно много. Сюда попадают только потерянные души и, значит, ты – потерянная душа. Тебе нужна помощь, а иначе ты просто не оказался бы здесь. Это место – не случайность, а знак!

– Как-то все это не реально... – положил я голову себе на колени и собрался плакать.

– Сынок, не стоит спешить с выводами о том, что реально, а что нет. Твоя реальность – это то, что ты воспринимаешь. Но будь открыт к мысли, что существуют миры, которые ты пока не видишь, но это не делает их менее реальными.

– Сплошные загадки. Я ничего не понимаю...

– Ответь на вопрос: что же тебя сюда привело?

– Отец...

– Что отец?

– Я боюсь его, – вырвалось у меня, и слезы покатались по лицу. – Он бьет нас – меня, маму, сестер. Я больше не могу так жить, не хочу! Это не жизнь, а постоянный страх, – слезы текли ручьем, и я уже не мог произнести ни слова, только рыдал, не в силах остановиться.

– Ну, поплачь, поплачь – полегчает, – сказал старик. Его озорной до этого взгляд стал серьезным. Он поднял голову к небу и сосредоточенно о чем-то размышлял.

Через какое-то время я успокоился, старик, заметив это, спросил:

– А что ты хочешь?

– Что я хочу? В каком смысле?

– Судьба у тебя такая, что у тебя злой отец и из-за этого страдаешь ты и близкие тебе люди. А что бы ты хотел в жизни изменить?

– Чтобы отца не было...

– Хм...

– Я его ненавижу! Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу! Я хочу, чтобы его никогда не было! – я встал и начал кричать. Эхо, повторяя мои слова, разносило их по всей округе: «Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!»

– А что в этой жизни ты хочешь изменить?

– Да что ты пристал?! – я снова начал рыдать. – Отстань, я уже ответил!

– Скажи, что ты хочешь?! Ответь! Произнеси! Что значит «не было»?

Погода внезапно изменилась, словно сама природа вздохнула тяжело и погрузилась во тьму. Солнечный свет исчез, уступив место тяжелым, свинцовым тучам, которые нависли низко и угрожающе. Где-то совсем рядом вспыхнули молнии, разрывая мрак резкими, ослепительными вспышками, а гром грохотал так, будто земля дрожала под их гневом. Ветер поднялся, превратив лес в живой кошмар – деревья зашумели не нежной колыбельной, а зловещим маршем, словно призывая к битве невидимые силы. Старик, стоявший среди этого хаоса, тоже изменился. Его добрые черты исказились, превратившись в мрачную тень самого себя. Глаза вспыхнули кровавым светом, а развевающаяся на ветру борода обнажила худые, впалые щеки, придавая лицу зловещую остроту. Улыбка исчезла, уступив место хищному оскалу – словно в нем пробудилась древняя, злая сущность, готовая разорвать все на своем пути.

– Говори! Произнеси?! – голос у старика также изменился, превратившись в злобный, хриплый бас.

– Чтобы он умер!

Наступила полная тишина. Ветер утих, тучи разошлись, и выглянуло солнце. Старик, как ни в чем не бывало, снова стал выглядеть обычным, добродушным дедушкой.

Я чувствовал, как меня всего трясет от ужаса.

– Ну что ты, соколик? Не бойся, дай лучше еще картошину, – сказал старик, улыбаясь одними глазами. Я, стараясь на него не смотреть, дрожащими руками открыл рюкзак и до-

стал овощ. – Спасибо. А теперь ступай домой, – он показал рукой в сторону, видимо, куда мне следовало идти. Я поднялся и, долго не думая, побежал в указанном направлении. Так началась история моих жизней.

3. Первый мир. Семья.

Настя, выбежав из кабинета главного врача, не стала ждать конца рабочего дня и сразу направилась на дачу, где были муж и дочь. Сев в машину, она прибавила громкость музыки и, пытаясь отвлечься от мыслей, тронулась с места. Дождь, который весь день то начинался, то прекращался – усилился.

Всю дорогу она думала над тем, чтобы уволиться. Подъехав к дому Настя еще на какое-то время осталась сидеть в машине. Она глубоко вздохнула, пытаясь унять дрожь в руках. Неудача с Катей больно ударила, заставив усомниться во всем. Но тут же, словно вспышка света, пришло воспоминание: почему она, собственно, выбрала психиатрию? Не ради денег, не ради престижа. Ради людей. Ради того, чтобы помогать им выбраться из лабиринта собственных мыслей. И эта первоначальная неудача, какой бы горькой она ни была, не должна сбить ее с пути. Пути, который она выбрала много лет назад.

Виктор Эдуардович... Он не поддержал, не утешил. И, по правде говоря, почему он должен был это делать? Она же не школьница, не вчерашняя студентка, нуждающаяся в поглаживании по головке. Она взрослый человек, врач. И он доверил ей Катю. Доверил человека. Доверил ее судьбу. Это

самое главное. Все остальное – мелочи, пыль.

А раз главврач доверил ей судьбу человека, значит, он верит в нее. Верит в ее силы, в ее знания, в ее способность помочь. И эта вера – гораздо ценнее любых слов.

– Двадцать один день... двадцать один день... двадцать один день... – повторила Настя несколько раз и вышла из машины.

Спустя примерно полчаса, выбравшись из гущи леса, я увидел вдалеке, за полем, знакомые крыши моего поселка. Сердце сжалось от смешанных чувств, когда я, колеблясь, направился туда. Внутренний голос уже рисовал ужасающую картину: отцовский ремень, хлещущий по телу. Но пути назад не было. К странному старику обратно в лес никак не хотелось, а бежать куда-то еще и где-то прятаться уже не было сил, да и припасы закончились все из-за того же старика. Все, чего я хотел – это оказаться рядом с мамой и сестрами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.